

Дэвид Холлоуэй – Роберт А. Спруанс профессор международной истории и профессор Политических наук Стэнфордского университета. До этого он преподавал в Эдинбургского университета ко-директор центра по Международной безопасности и контролю над вооружениями (1991-1997), директор института Международных исследований (1998-2003). Дэвид Холлоуэй автор книг «Советский Союз и Гонка вооружений» (1983), «Сталин и Бомба» (1994).

Данная сессия посвящена Сахарову – физика. Ясно, что физика была в центре жизни и работе Сахарова, более того, он видел мир глазами физика. На этой сессии три выдающихся физика будут говорить о Сахарове – физике. Так что в роли председателя этой сессии я себя здесь ощущаю немного как Даниил в клетке со львом или как лев в клетке с Даниилами. Но меня попросили также выступить на этой сессии, так что я буду краток. Вопрос, которого я здесь хочу коснуться – это взаимоотношения между наукой и политикой в сахаровских размышлениях о политике.

1968 год стал поворотным годом в жизни Сахарова, после того как его «Размышления» были опубликованы за границей. Его лишили допуска к секретной работе и уволили из Арзамаса-16, института ядерных вооружений, где он проработал восемнадцать лет и заставили уехать из Сарова, города, где располагался Арзамас-16, в 400 км к востоку от Москвы, вблизи Горького (теперь ему вернули старое название «Нижний Новгород»). Фактически Сахаров начал работать над термоядерным оружием в 1948 году за два года до переезда в Арзамас-16. Его привлекли к участию в проектной группе по изучению возможности создания водородной бомбы. Эта группа была сформирована, после того как советская разведка получила информацию от Клауса Фукса. Группу возглавил Игорь Тамм, научный руководитель Сахарова. Параллельно работала и другая группа, имевшая допуск к секретным материалам из Арзамаса-16, во главе которой стоял Яков Зельдович.

В 1968 году после публикации *Размышлений* за границей, Сахарову было официально объявлено, что он не может продолжать жить и работать на Арзамасе-16. Так 1968 год стал переломным годом в жизни Сахарова, но он никогда не отмежевался от своей прежней деятельности по разработке ядерных вооружений. До конца своей жизни Сахаров продолжал считать, что работа над ядерным оружием была оправдана необходимостью создать баланс американской ядерной мощи. Но это не значит, что в 1968 году стал в жизни Сахарова произойти обращение по дороге в Дамаск, что он тогда увидел яркий свет, переживший его мирозерцание и заставивший его переменить свою прежнюю жизнь.

В 50 и 60-е годы, когда он ещё работал над ядерным оружием, Сахаров уже продемонстрировал значительную независимость ума и гражданское мужество,

высказываясь по вопросам науки, образования и ядерных испытаний. Он лоббировал внутри правительства за прекращения испытаний ядерного оружия в атмосфере. Его участие в первом испытании двух-ступенчатого термоядерного оружия, в развитии которого Сахаров сыграл ключевую роль произвело на него огромное впечатление. Вот как он описывает свою реакцию на это испытание: «... Мною уже тогда владела целая гамма противоречивых чувств, и, пожалуй, главным среди них был страх, что высвобождённая сила может выйти из под контроля, приведя к неисчислимым бедствиям. Сообщения о несчастных случаях, особенно о гибели девочки и солдата, усиливали это трагическое ощущение. Конкретно я не чувствовал себя виновным в этих смертях, но и избавиться полностью от сопричастности к ним не мог».¹

В середине 60-х годов, Сахаров распространил свою гражданскую деятельность, подписав коллективные письма против реабилитации Сталина и сталинизма и против проекта нового закона, направленного против диссидентов. В тот же период он написал первое из своих многочисленных писем Брежневу в защиту людей, подвергающихся политическим репрессиям.

После 1968 года, когда Сахаров становится общественной фигурой, поле его деятельности расширяется, его внимание всё больше направляется на поддержку тех, кому угрожают судом и лагерем за защиту прав человека. К этому моменту, как он позже напишет, он стал понимать, что права человека и открытое общество являются фундаментом для доверия между народами, безопасности и прогресса. Важность этого нового понимания в сахаровском мышлении отражается как в помощи, которую он пытается оказать отдельным людям, так и в его публичных заявлениях. Обеспокоенность проблемами доминирующими его «*Размышления*» - ухудшение среды обитания, угроза ядерной войны, проблемы возникшие в результате научно-технической революции – всё больше дополняются тревогой по поводу соблюдения прав человека. Само название его нобелевской лекции «Мир, прогресс и права человека» с одной стороны продолжает тему, начатую в статье 1968 года, но также указывает на увеличивающееся внимание Сахарова к проблеме прав человека.

Здесь важно вернуться к главным вопросам жизни Сахарова. В ней как и в жизни любого человека присутствует непрерывность, но здесь важно отметить более глубокую взаимосвязь между его работой над ядерным оружием, которое способно уничтожить миллионы людей и борьбой за права личности, созданием оружия, поддерживающее советское государство и провозглашением и защитой принципов, ведущих к его разрушению. Можно многое сказать по этому поводу, но один важный момент, связывающий эти две стороны его жизни и деятельности – это его видение науки и взаимоотношений между наукой и политикой. Я думаю,

¹ Андрей Сахаров Воспоминания Изд-во им. Чехова Нью Йорк стр. 257

что первые строки «Размышлений» выражают эту взаимосвязь: «Мои взгляды формировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляет очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных вопросах внешней и внутренней политики, в вопросах будущего человечества. В частности, эта озабоченность питается сознанием того, что ещё не стал реальностью научный метод в руководстве политикой, экономикой, искусством, образованием и военным делом.² Что же имеет в виду Сахаров, когда он говорит о «научном методе» в данном контексте? Он объясняет: «Мы считаем метод научным, если он основан на глубоком анализе фактов, теорий и взглядов, предполагающих беспристрастное и открытое обсуждение, не опирающееся на эмоции в своих выводах»³. Иными словами, Сахаров предлагает науку, точнее научное сообщество в качестве модели для политики, политики, основанной на разуме.

Разумеется, в некотором смысле естественно в Советском Союзе апеллировать к науке как модели для политики, поскольку Коммунистическая партия утверждает свою правоту тем, что она основана на научной теории, но это утверждение мало кто к тому моменту принимал серьёзно.

Стоит добавить, что этот подход здесь продолжается аргументацию, которую он развивал в борьбе против Лысенко и его группы, в которой Сахаров сыграл важную роль в 60-х годах.

В одной из статей, опубликованная в 1965 или 1966 года, развивался тезис, что после ухода Лысенко, правота силы должна уступить силе правоты. Может быть, когда-нибудь и политика станет разумно обоснованной.

Я думаю, что не удивительно, что именно русский физик выразил эту мысль столь сильно и убедительно, поскольку именно престиж профессии физика в СССР был высоким и существовала среди них относительная степень интеллектуальной свободы главным образом из-за их роли в работе над ядерными вооружениями. Но сахаровское понимание научной политики, конечно, значительно отличалось от концепции научного коммунизма, официальной идеологии коммунистической партии. Он не пытался развивать метод управления обществом – он хотел привлечь науку в качестве модели для гражданского общества. Таким образом Сахаров строит модель политики, подобной науке, то есть развития государства, которое направляется гражданским обществом или точнее общественным мнением, сформированным в процессе разумной дискуссии. Это, конечно, связывается с демократией, но на самом деле, это конкретное видение демократии. Это уже классическая концепция политики, утверждающая, что власть не проистекает

² Андрей Сахаров Тревога и надежда Изд-во Время Москва 2006 стр. 69, 70

³ Там же стр. 95

просто из воли суверена или в советском случае из воли партии, а основана, как наука на разуме.

Мне представляется замечательным, что идею гражданского общества, идею, чрезвычайно важную в Восточной Европе в 60-70 годах, где на неё набрели в поисках стратегии для ослабления власти или приведения государства под народный контроль, Сахаров выводит из науки. В своей нобелевской лекции он пишет, «Прогресс возможен и безопасен только под контролем разума.»⁴ Важные проблемы, связанные с защитой среды обитания, могут решаться только при наличии общественного мнения, открытого общества и свободы совести. Аналогично, разоружение требует доверия между государствами, доверия, которое возможно только при наличии открытого общества.

В этом контексте права человека становятся ключевым вопросом, потому что только при действенных гарантиях свободы слова, собраний и совести, возникают условия, для открытых дебатов и дискуссий, которые необходимы для разработки осмысленных принципов решения важнейших проблем, стоящих перед человечеством.

Конечно, права человека сами по себе важны и ценны с точки зрения морали и справедливости, но в своих статьях и выступлениях Сахаров показывает их тесную связь с важнейшими проблемами стоящими перед человечеством – проблемами мира, прогресса и, вообще, его выживания. Реально, эффективная защита прав человека является необходимой предпосылкой серьёзных попыток разрешения этих проблем.

Так я представляю глубокую связь между защитой Сахаровым отдельных людей подвергающихся репрессиям, ударением на важность и ценность прав человека, с одной стороны и, с другой стороны, его обеспокоенностью по поводу нашей способности решать огромные проблемы, стоящие перед человечеством, часть из которых является продуктом научного и технического прогресса.

⁴ Там же стр. 376